

ЭКСТРАДИЦИЯ ПО ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ДВОЙНОЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ОСНОВАНИЙ ОТКАЗА В ВЫДАЧЕ

Анна Владимировна Липунцова, канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и международного права,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина», Тамбов, Россия;
Anna-lipuncova@yandex.ru.ru

Владислав Сергеевич Нелидкин, администратор,
отдел международного сотрудничества и аналитики,
Департамент международных связей,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина», Тамбов, Россия;
nelidkinvs123@mail.ru

Исследованы правовая природа и значение экстрадиции как одного из важнейших институтов в системе международно-правового сотрудничества. Рассмотрены сформировавшиеся в научных кругах подходы к сущности экстрадиции, кратко проанализированы этапы развития выдачи лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений. Выявлены особенности выдачи лиц по делам о коррупционных преступлениях с учетом действующего международного и внутринационального законодательства, а также сложившейся юридической практики и соответствующих правоприменительных актов. Приведен анализ современного состояния института экстрадиции, выявлены проблемные аспекты в части двойной криминализации и оснований отказа в выдаче. В результате на основе применения общенаучных и специально-юридических методов дана оценка значимости выявленных проблем, предложены рекомендации по возможности их устранения, что позволило достичь поставленные цели и задачи исследования.

Ключевые слова: выдача; двойная криминализация; коррупционные преступления; международно-правовое сотрудничество; отказ в выдаче; экстрадиция.

Введение

Экстрадиция – правовое явление, давно известное в юриспруденции. Она давно получила свою институционализацию в российском праве и нашла свое правовое закрепление в современном виде в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, а именно в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Рассмотрению правовой природы и особенностям экстрадиции в науке уголовного права уделяется достаточно существенное внимание. В частности можно выделить работы таких ученых, защитивших диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, как А. Р. Каюмова, Н. И. Костенко, Р. В. Нигматуллин, Н. А. Сафаров. Представляют интерес и исследования на соискание степени кандидата юридических наук в данной области, таких ученых, как С. С. Беляев, Ю. Г. Васильев, А. Г. Вениаминов, А. С. Гришин, А. И. Джигирь, Т. Т. Казиканов, И. Б. Колчевский, А. А. Крупцов, С. Т. Кучухидзе, А. В. Марченко, Ю. В. Минкова, Х. З. Нагдалиев, И. В. Путова, Ф. Н. Раджабов, Т. В. Решетнева, А. К. Строганова, А. К. Чермит, К. Д. Шайбакова. При этом, несмотря на то что и сегодня данная тема достаточно активно рассматривается в научном поле, прежде всего с уголовно-правовых и процессуальных позиций (реже с точки зрения теории права или международного права, а также истории или социологии), последнее крупное исследование в виде докторской диссертации было подготовлено более 10 лет назад, а кандидатской более 6 лет назад.

Такое внимание к рассматриваемой теме свидетельствует, с одной стороны, о неугасающем интересе к проблемам экстрадиции, с другой стороны, о необходимости пристального и детального изучения ее сущности и проблем функционирования с учетом современного законодательства и правоприменительной практики.

Указанные обстоятельства обуславливают актуальность представленного исследования и необходимость изучения отдельных проблемных аспектов экстрадиции, что предопределяет цель данной научной статьи. Задачи представленной работы заключаются в рассмотрении экстрадиции по делам о коррупционных преступлениях в системе международно-правового сотрудничества, выявление проблем двойной криминализации и оснований отказа в выдаче на современном этапе развития общественных отношений.

Достичь поставленных целей и задач удалось посредством широкой методологической основы, включающей в себя как общефилософские (метафизика) и общенаучные (анализ, синтез, сравнение и др.) методы, так и непосредственно специально-юридические методы (формально-юридический, позволивший проанализировать отдельные аспекты экстрадиции, и сравнительно-правовой при изучении различных подходов к правовому регулированию рассматриваемого института).

Основная часть

Обратим внимание, что экстрадиция может рассматриваться с разных точек зрения и как институт уголовного процесса, и как механизм реализации положений уголовно-процессуального законодательства, и как форма международного сотрудничества, и как акт международной судебной взаимопомощи по уголовным делам.

Во многом различные подходы могут быть обусловлены теми признаками и характеристиками, которые выходят на первый план при ее рассмотрении. При этом легальное определение данной категории отсутству-

ет, что иногда порождает дискуссию о ее понятии и содержании. В частности, ставятся вопросы о соотношении и смысловой нагрузке экстрадиции и выдачи (именно последнее используется в законодательстве). Есть позиция, согласно которой «выдача» используется в практике, в то время как «экстрадиция» – в науке. Ряд ученых предлагают рассматривать выдачу лишь как часть более широкой процедурной деятельности экстрадиции. В целом большинство теоретиков и практиков приходят к выводу о синонимичности данных слов.

Во многом именно такому подходу способствуют исторические традиции. Отметим, что в целом данный институт зародился в нашей стране еще во времена Киевской Руси, о чем свидетельствуют специальные договоры, заключенные киевскими князьями, далее – судебники Ивана III 1497 года и Ивана IV 1550 года. Важным документом стал Столбовский мирный договор 1617 года, который предусматривал выдачу бежавших преступников, также Соборное Уложение 1649 года содержало соответствующие положения. Новый вехой развития экстрадиции можно признать конец XIX – начало XX вв., когда был принят ряд законодательных актов и соглашений, детально регулирующих данный институт (в частности, речь идет об Уложении о наказаниях 1885 года и о Законе «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств» 1911 года).

В советский период институт экстрадиции претерпел серьезные изменения, ввиду многочисленных политических изменений как внутри государства, так и за рубежом. Отметим, что в это время действовали Типовая конвенция о выдаче 1923 года, УПК РСФСР 1960 года, Постановление Президиума ВС СССР «О мерах по выполнению международных договоров СССР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» и др.

Новый виток развития экстрадиции был связан с построением нового российского государства и новыми подходами к государственному регулированию всех сфер жизни общества, правовому регулированию различных общественных отношений и международному сотрудничеству. Современный этап характеризуется интеграцией российского законодательства в международные стандарты и кодификацией норм об экстрадиции. На современном этапе правовую основу рассматриваемого института составляют Конституция РФ (ст. 61), Уголовный кодекс РФ (ст. 12), УПК РФ (гл. 54), а также многочисленные соглашения с зарубежными странами. Как правило, во всех этих актах от самых древних до современных использовались термины выдача, выдача преступника и т.д., в отличие, например, от международного права, где «термин “экстрадиция” является общепризнанным, используется во многих международных актах, употребляется в трех официальных языках ООН: английском, французском и испанском» [6, с. 37].

В свою очередь в соответствии с проведенным анализом теоретических подходов, исторических документов и действующего законодательства полагаем возможным присоединиться к точке зрения большинства специалистов по данному вопросу и отметить, что экстрадицию и выдачу лица стоит рассматривать как синонимичные категории с учетом того, что экстрадиция может включать в себя выдачу лица для разных целей – для

уголовного преследования либо для исполнения наказания. Этот механизм обеспечивает действие принципа *aut dedere aut judicare*, гарантируя, что преступник не избежит ответственности, скрывшись за границей.

Также важно подчеркнуть, что несмотря на разные подходы к экстрадиции, большинство исследователей сходятся во мнении, что данный институт «обеспечивает достижение целей уголовного процесса, восстановление нарушенных правоотношений, гарантирование равенства и справедливости в обществе, неотвратимость наказания, несмотря на территориальные разграничения юрисдикции разных стран» [3, с. 46]. Данный тезис о процедурах экстрадиции коррелируется и с подходами Верховного Суда РФ: «... представляют собой важнейшие виды международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, позволяющие обеспечить неотвратимость уголовного преследования и наказания, социальную реабилитацию осужденных лиц» [8].

Экстрадицию с точки зрения теории права, можно рассматривать и как правовое отношение с присущими ему признаками, основаниями, структурой и элементами. Это правоотношение сочетает элементы международного и внутригосударственного права, а также затрагивает вопросы защиты прав человека [6, с. 44–45].

Фактическим основанием реализации данного процесса будет выступать факт совершения преступления и отсутствие лица подозреваемого или обвиняемого его в совершении на территории соответствующего государства.

Правовым основанием реализации данного процесса является: 1) наличие юридической нормы, определяющей совершенное деяние в качестве преступления; 2) нормы международного законодательства, общепризнанные принципы международного права, определяющие возможности данного процесса; 3) заключенный между странами международный договор либо письменное обязательство Генерального прокурора РФ.

Объектом выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу передачи лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления от одного государства другому для решения его дальнейшей правовой судьбы. Причем как верно подчеркивается «сама личность не является объектом права в традиционном понимании, но ее положение и судьба становятся центральным элементом правоотношений» [10, с. 148].

В качестве субъектов данного процесса выступают в первую очередь государства: иницилирующее процедуру экстрадиции, с одной стороны, а с другой – то, которое выдает по запросу преступника либо наоборот, то есть такие субъекты можно обозначить как запрашивающее и запрашиваемое государства. Особую роль в данном процессе в нашей стране играет Генеральная прокуратура РФ, руководство которой принимает решения о выдаче. Также ведущая роль в экстрадиции принадлежит дипломатическим учреждениям и Интерполу.

Важно отметить статус лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче – подозреваемый, обвиняемый или осужденный. «Его права и законные интересы также являются предметом регулирования в рамках экстрадиционных правоотношений, особенно в части соблюдения международных стандартов защиты прав человека» [7, с. 165].

Содержание составляет сама процедурная часть экстрадиции, включающая в себя соответствующие права и обязанности субъектов и стадии проведения данной процедуры. Экстрадиция включает ряд этапов: направление запроса, его рассмотрение, возможную судебную проверку, принятие окончательного решения административным органом, передачу лица.

Таким образом, экстрадиция как правоотношение представляет собой баланс между интересами государств в борьбе с преступностью и необходимостью соблюдения фундаментальных прав человека, требующий координации норм разных уровней права и учета международных стандартов.

Процедура экстрадиции может быть инициирована в отношении лица, подозреваемого, обвиняемого или осужденного в отношении различных категорий дел – в сфере нарушения личных прав, экономики, общественной безопасности и порядка, государственного управления, военной службы, мира и безопасности человечества.

Обратим внимание в контексте поставленной нами проблемы на экстрадицию по делам о коррупционных преступлениях. По российскому законодательству коррупционные преступления относятся к преступлениям против государственной власти, и именно против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления – раздел 10 глава 30 УК РФ. Согласно докладу Генерального прокурора РФ, представленному Совету Федерации РФ, в 2025 году «Значительно возросло число выявленных коррупционных преступлений. Их зарегистрировано свыше 43 тысяч. Более трети совершены в крупном и особо крупном размере и в составе организованных групп. Закономерно увеличилось на 12,5 % и количество лиц, изобличенных в таких деяниях. Пресечено почти 150 тыс. нарушений. К разным видам ответственности привлечены 70 тыс. виновных лиц» [2]. Большинство дел связаны со взяточничеством и коммерческим подкупом, мошенничеством, растратой, а также злоупотреблением и превышением полномочий. Более половины от всех коррупционных преступлений составляют взятки.

В целом отметим, что коррупция представляет собой серьезную угрозу для общества, когда должностные лица сознательно используют свое служебное положение ради личной выгоды, а также когда кто-то подкупает таких лиц. Согласно действующему антикоррупционному законодательству, коррупция – это многогранное явление, которое может выражаться в злоупотреблении служебными полномочиями, даче или получении взятки, коммерческом подкупе или любых других незаконных действиях с использованием должности.

Таким образом, коррупция как в России, так и за рубежом представляет собой сложное социально-правовое явление, требующее комплексного подхода к его изучению и противодействию, сочетающего как национальное, так и международное правовое регулирование. Коррупционные деяния все чаще имеют иностранный элемент и затрагивают интересы нескольких государств, что требует от мирового сообщества перехода от изолированной национальной борьбы с коррупцией к созданию единого, скоординированного глобального правового режима противодействия этому явлению.

Исходя из особенностей предмета заявленного исследования, отметим содержательные аспекты международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции органов прокуратуры, которое осуществляется по нескольким направлениям деятельности. Так, на площадке Генпрокуратуры России проходит обучение специалистов, задействованных в оценочных механизмах норм Конвенции ООН против коррупции (например, в 2024 году на семинаре целевая аудитория охватила почти 50 экспертов из 27 стран африканской и азиатско-тихоокеанской региональных групп). В рамках данной деятельности осуществляется взаимодействие с Группой государств против коррупции (ГРЕКО), а также сотрудничество государств – участников СНГ в сфере противодействия коррупции (международные семинары, круглые столы, межгосударственные советы).

В контексте международно-правового сотрудничества правоохранительных органов Генеральный прокурор РФ в своем докладе отметил: «Продолжало развиваться международно-правовое сотрудничество, в том числе совместная работа с прокурорами стран СНГ, ШОС, БРИКС и другими компетентными органами дружественных государств. За год заключены 25 международных договоренностей, включая 6 программ сотрудничества по различным направлениям» [2]. Одним из таких направлений, безусловно, являются вопросы, связанные с экстрадицией.

Проследим пятилетнюю динамику заключения договоров о выдаче, передаче и взаимной правовой помощи по уголовным делам: в 2022 году – Сирия, 2023 году – Алжир, Индонезия, 2024 году – Кувейт, Таиланд, Южная Осетия, 2025 году – Джибути, Лаос, Мозамбик, Мьянма, Никарагуа, 2026 году – данные отсутствуют. На данный момент на официальном сайте Минюста России размещены следующие двусторонние договоры: о выдаче – 24, передаче – 35, правовой помощи – 64. Всего 70 стран.

Согласно имеющимся данным, «за 2025 год Генеральной прокуратурой Российской Федерации рассмотрено 1159 иностранных запросов о выдаче лиц из России. Подавляющее большинство запросов о выдаче поступило из компетентных органов государств – участников СНГ (Узбекистан, Белоруссия, Таджикистан). По результатам рассмотрения этих запросов принято 863 решения о выдаче лиц (помимо государств – участников СНГ, также в ОАЭ, Марокко, Латвию и другие государства)» [9].

Приведем несколько примеров наиболее громких коррупционных дел за последнее время, где была применена процедура экстрадиции.

Например, «за коррупционные преступления в январе 2019 года был экстрадирован из Франции в Россию экс-министр финансов Московской области Алексей Кузнецов. В Российской Федерации Кузнецову было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 (“Мошенничество, совершенное организованной группой в особо крупном размере”) и ч. 3 ст. 174.1 (“Легализация имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления”) Уголовного кодекса РФ» [11, с. 1099].

В 2020 году «Генпрокуратура добилась выдачи из Польши генерального директора ОАО “Кемеровский кондитерский комбинат” Вячеслава Вишневского, который за взятку должностным лицам получил разрешение

на реконструкцию здания торгово-развлекательного центра “Зимняя вишня”, которая прошла с нарушениями» [4].

Еще пример: «Греция в ноябре 2025 года удовлетворила запрос Генпрокуратуры РФ и выдала Владимира Демихова, обвиняемого в злоупотреблении полномочиями и хищении более 49 миллионов рублей» [13].

Таким образом, мы видим, что в целом экстрадиция является вполне рабочим механизмом, показывающим достаточно высокую эффективность в борьбе с коррупцией. Со многими странами Россия заключила соглашения по вопросам экстрадиции, а также присоединилась к международным обязательствам в виде соответствующих многосторонних договоров и конвенций.

Вместе с тем коррупционные преступления обладают уникальной спецификой, которая порождает системные трудности на всех стадиях экстрадиционного процесса – от квалификации деяния до принятия окончательного решения. Специфика экстрадиции за коррупционные преступления обусловлена сложностью выявления и документирования нарушений, высоким уровнем политизации и длительностью процессуальных сроков. Тем не менее несмотря на существующие трудности, экстрадиция остается необходимым инструментом для восстановления справедливости и предотвращения безнаказанности.

Однако стоит обратить внимание и на имеющиеся проблемы: «лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, все чаще скрываются от органов следствия и суда в тех зарубежных странах, с которыми РФ не имеет договоров о выдаче» [4]. Например, граждане России и Украины часто скрываются в США, Великобритании, Турецкой Республике Северного Кипра, ряде карибских стран [4].

В этом случае на помощь может прийти принцип взаимности. Он позволяет государству выдать лицо, совершившее преступление, даже при отсутствии международного договора, но при предоставлении запрашивающей стороной необходимых заверений или гарантий. Данный принцип отражен и в российском законодательстве, и соответствующие примеры можно найти в зарубежной практике (например, в США Федеральный закон об экстрадиции (Extradition Act) предусматривает необходимость соблюдения принципа взаимности при принятии решений о выдаче лиц другим странам). Подчеркнем, что данный принцип является проявлением взаимного уважения государственного суверенитета и признания суверенного права сторон на определение условий оказания правовой помощи по уголовным делам. Этот принцип, как представляется, проявляет сущность дипломатических отношений и их важность – способность найти консенсус двух сторон-государств для решения общих проблем. Поскольку зачастую принятие решения о выдаче лица может зависеть от политических соображений и состояния дипломатических отношений между странами.

Вместе с тем для успешной экстрадиции необходимо убедиться, что преступление, вменяемое лицу, квалифицируется одинаково в законах обоих государств, то есть было криминализировано в обеих юрисдикциях. Здесь речь идет о другом принципе или важном условии возможности самой процедуры экстрадиции – двойной криминализации.

Несмотря на свою значимость, данный принцип сталкивается с рядом серьезных трудностей на практике. Его реализация осложняется различиями в правовых системах, языковыми барьерами, политическими факторами и отсутствием единых международных стандартов. Приведем несколько примеров. Так, для реализации процедуры экстрадиции важно, чтобы в законодательстве каждого из государств тот или иной состав преступления, и в том числе все его элементы, совпадали, то есть деяние обязательно должно быть признано уголовным преступлением, в наличии должны присутствовать все объективные и субъективные признаки с характерными для них чертами.

Например, что в одной стране считается взяточничеством, в другой может рассматриваться как гражданско-правовой проступок или иное правонарушение, или если в одной стране для состава преступления требуется наличие определенного мотива или ущерба, а в другой – нет, принцип двойной криминализации может не сработать.

Но это не стоит воспринимать буквально, на что обращает внимание и ВС РФ: «Несовпадение в описании отдельных признаков состава преступления, в совершении которого обвиняется лицо, либо в юридической квалификации деяния не является основанием для отказа в выдаче, поскольку оцениваться должны фактические обстоятельства имевшего место деяния и его наказуемость по законам обоих государств» [8].

Следующий аспект связан с правовым статусом субъекта деяния. Например, если лицо не признается должностным в запрашиваемом государстве, выдача по коррупционной статье становится невозможной, либо участие третьих лиц (посредников) в коррупционных схемах может по-разному квалифицироваться. В одной стране это самостоятельный состав, в другой – форма соучастия. Несовпадение таких подходов, безусловно, затрудняет и само доказывание, и процедуру экстрадиции.

В некоторых случаях проблемы двойной криминализации обусловлены сложностями перевода, в том числе при квалификации преступных деяний. Юридические понятия не всегда имеют точные эквиваленты в других языках и правовых системах, что может привести к ошибкам при сопоставлении составов преступлений.

Приведем пример из практики. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации достаточно часто рассматривает апелляционные жалобы на постановления судов в рамках процедуры обжалования решения о выдаче лица и судебной проверки его законности и обоснованности. Так, согласно материалам дела в Российскую Федерацию поступил запрос о выдаче лица с необходимыми документами, которые были в установленном порядке переведены на русский язык и заверены. При этом представители защиты в качестве основного довода для отмены решения суда первой инстанции ссылались на различия в переводе отдельных терминов, что, по их мнению, создает трудности в понимании того, в чем именно обвиняется лицо, и влечет нарушение его права на защиту. В этом вопросе ВС РФ отметил, что представленные доводы «не влияют на законность и обоснованность решения о его выдаче, поскольку деяния, в совершении которых обвиняется А., подробно описаны в постановлении об аресте, а защиту от предъявленного обвинения ему предстоит

осуществлять в суде г. Вены» [1]. Этот пример наглядно демонстрирует возникающие проблемы реализации на практике принципа двойной криминализации, например, при переводе документов, роль суда при его интерпретации и возможных путях их разрешения.

Также обратим внимание, что многие государства воздерживаются от выдачи лиц, подозреваемых в совершении политических преступлений, несмотря на формальное соответствие принципа двойной криминализации. Во многом это обосновывается тем, что интерпретация понятия «политическое преступление» отличается значительной вариативностью в различных правовых порядках. Этот тезис находит подтверждение и на практике: «в январе 2025 года глава МВД Владимир Колокольцев заявил, что России стали массово отказывать в экстрадиции по запросам правоохранительных органов, эти решения “политически мотивированы”. Среди них – Германия, Италия, Великобритания, Литва, Польша, Хорватия, Черногория, Чехия и Эстония» [12].

Яркий пример одного из последних отказов связан с экстрадицией судьи Е. Хахалевой, обвиняемой в мошенничестве и злоупотреблении служебным положением, которая была арестована в Баку, но власти Азербайджана приняли решение не удовлетворять запрос Российской Федерации об экстрадиции данного лица.

Полагаем, что именно отношение к различным типам преступлений, таким как экономические, налоговые, коррупционные либо киберправонарушения, демонстрирует значительные различия в зависимости от юрисдикции конкретного государства.

И отсюда вытекает следующая проблема при экстрадиции по делам о коррупционных преступлениях, которая связана непосредственно с основаниями отказа в выдаче. В целом отметим, что нормативное регулирование условий и оснований отказа в выдаче осуществляется как на национальном уровне – посредством УПК РФ (ст. 464) и иных федеральных законов, – так и на международно-правовом уровне, через систему международных договоров Российской Федерации. Однако как мы видим исходя из практики последних лет, подобные отказы не всегда мотивированы с точки зрения правовых норм.

Законодательством определены основания, когда выдача лица не допускается однозначно, и когда в выдаче может быть отказано, то есть эти основания носят условный характер. В целом эти основания формировались со временем под воздействием различных условий и обстоятельств. Так, изменения в ст. 464 УПК РФ вносились в 2009 году (отказ, в случае если совершенное деяние не является преступлением по законодательству РФ), в 2026 году (расширен перечень оснований для отказа в выдаче лица иностранному государству). Согласно российскому законодательству, перечень оснований носит закрытый характер. Но вместе с тем «в выдаче лица может быть отказано, когда исключительные обстоятельства свидетельствуют о том, что выдача повлечет опасность для его жизни и здоровья, в том числе с учетом его возраста и физического состояния» [8]. И здесь опять мы видим яркое проявление роли суда и судейского усмотрения в вопросе экстрадиции.

Одним из наиболее дискуссионных оснований для отказа является квалификация деяния как политического преступления. В контексте коррупционных дел данная проблема проявляется особенно ярко. Ключевой проблемой остается отсутствие унифицированных подходов к квалификации коррупционных деяний и оценке их политического характера на международном уровне. Трудно не согласиться с тем, что «если ранее отказы зарубежных партнеров по запросам российской стороны были единичными и объективными, то теперь они политически мотивированы и приобрели массовый характер» [5].

Проблема обоснования отказов в выдаче лиц, подозреваемых в коррупции, по политическим соображениям имеет системный характер. Данная проблема обусловлена конфликтом между традиционным принципом обеспечения защиты от преследований по политическим мотивам и современными требованиями глобальной антикоррупционной деятельности. Недостаток единых международных правовых критериев определения «политической природы» преступления ведет к тому, что решения об экстрадиции нередко становятся предметом политико-правовых межгосударственных переговоров и зависят от текущей динамики взаимоотношений конкретных стран не только в плоскости борьбы с преступностью, но и в целом экономических, политических, культурных отношений.

Заключение

В качестве вывода по представленному исследованию, отметим, что с точки зрения правовой науки и действующего законодательства, экстрадиция представляет собой сложный международно-правовой и уголовно-процессуальный институт. В Российской Федерации правовая основа экстрадиции носит комплексный характер. В правовой доктрине экстрадиция рассматривается как форма взаимной правовой помощи государств по уголовным делам. Она обеспечивает невозможность уклонения от правосудия путем пересечения государственной границы. Без этого института концепция универсальной юрисдикции и международной уголовной ответственности была бы нежизнеспособной. Экстрадиция представляет собой уникальный пример добровольного и согласованного ограничения суверенитета одного государства в пользу другого. Можно сказать, что запрашиваемое государство, соглашаясь на выдачу, временно делегирует часть своей суверенной власти (в части осуществления правосудия) другому государству. Отказ в выдаче также является суверенным правом, часто реализуемым для защиты своих фундаментальных ценностей (например, прав человека).

Коррупционные преступления представляют особую категорию дел, поскольку они часто носят международный характер и требуют тесного взаимодействия в деле их раскрытия и пресечения между государствами. Лица, подозреваемые, обвиняемые в подобных деяниях, зачастую пытаются скрыться за рубежом, используя различия в национальных правовых системах, в частности к правовому регулированию противодействия коррупции и наказанию за него, отсутствие эффективных механизмов международного сотрудничества. Поэтому экстрадиция становится ключевым инструментом для возвращения таких лиц в страну, где они совершили

преступление, и последующего привлечения их к ответственности. Экстрадиция здесь является важнейшим элементом борьбы с транснациональной преступностью. Совершенствование нормативно-правовой базы и усиление международного сотрудничества помогут повысить эффективность данного института и способствовать снижению уровня коррупции в мире. Полагаем, что возможно появление специальных процедур для упрощенной выдачи по делам о коррупции при условии предоставления надежных гарантий защиты прав.

С точки зрения юридической науки, институт экстрадиции находится в состоянии динамичной трансформации. Его развитие определяется многими факторами, среди которых глобализация преступности, гуманизация уголовного права и изменение геополитического ландшафта. Анализ современных тенденций позволяет выявить ключевые векторы, которые будут формировать данный институт в ближайшем будущем. В частности, речь идет о развитии принципа взаимности, работе по сближению подходов к ключевым институтам, в том числе двойной криминализации, расширительном толковании оснований для отказа в выдаче и др. в целом, как видится, будущее института экстрадиции лежит в плоскости поиска баланса между эффективностью борьбы с преступностью и абсолютным приоритетом защиты прав человека.

Список литературы

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.03.2018 № 18-АПУ18-1 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=538737&rnd=WOvikg#1sFW4IVIfN9yrc4y> (дата обращения: 27.04.2026).
2. Генеральный прокурор Российской Федерации Александр Гуцан выступил с докладом в Совете Федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт Генеральной прокуратуры РФ. — URL : <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8463315/> (дата обращения: 27.04.2026).
3. Измайлова, П. Р. Проблемы экстрадиции в международном публичном праве / П. Р. Измайлова // Труды Института государства и права Российской Академии Наук. — 2010. — № 5. — С. 46–55.
4. Интервью начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Петра Городова информационному агентству РИА Новости [Электронный ресурс] : офиц. сайт Генеральной прокуратуры РФ. — URL : <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e494901/> (дата обращения: 27.04.2026).
5. МВД: России массово отказывают в экстрадиции преступников [Электронный ресурс] : офиц. сайт URA. — URL : <https://ura.news/news/1052881419> (дата обращения: 28.04.2026).
6. Миронов, А. Н. Понятие, признаки и правовая природа экстрадиции / А. Н. Миронов // Полицейская и следственная деятельность. — 2025. — № 4. — С. 37–51. doi: 10.25136/2409-7810.2025.4.75535
7. Миронов, А. Н. Экстрадиция и права человека / А. Н. Миронов // Полицейская и следственная деятельность. — 2025. — № 3. — С. 163–173. doi: 10.25136/2409-7810.2025.3.75536
8. О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для

отбывания наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 8.

9. Россия в 2025 году выдала за рубеж 863 разыскиваемых лица [Электронный ресурс] : офиц. сайт ТАСС. – URL : <https://tass.ru/obschestvo/27011147> (дата обращения: 25.04.2026).

10. Саврико, И. В. Понятие и юридическая природа экстрадиции / И. В. Саврико // Молодой ученый. – 2019. – № 2(240). – С. 148–149.

11. Смирнов, К. В. Противодействие коррупции: национальные и международные аспекты / К. В. Смирнов // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 1095–1112.

12. Экстрадиция: что это и какие страны не выдают преступников России [Электронный ресурс] : офиц. сайт РБК. – URL : <https://www.rbc.ru/base/28/11/2025/6915fd699a794733137601d3> (дата обращения: 27.04.2026).

13. Юрист рассказала, может ли Россия использовать китайский опыт в поимке беглых коррупционеров [Электронный ресурс] : офиц. сайт Российской газеты. – URL : https://rg.ru/2026/04/03/iurist-maleva-rasskazala-mozhet-li-rf-po-opytu-kitaia-iskat-beglyh-korrupcionerov.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 27.04.2026).

References

1. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=538737&rnd=WOvikg#1sFW4IVIfN9yrc4y> (accessed 27 April 2026).

2. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8463315/> (accessed 27 April 2026).

3. Izmaylova P.R. [Extradition Issues in Public International Law], *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy Akademii Nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2010, no. 5, pp. 46-55. (In Russ., abstract in Eng.)

4. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e494901/> (accessed 28 April 2026).

5. Available at: <https://ura.news/news/1052881419> (accessed 28 April 2026).

6. Mironov A.N. [Concept, Features, and Legal Nature of Extradition], *Politseyskaya i sledstvennaya deyatel'nost'* [Police and Investigative Activity], 2025, no. 4, pp. 37-51. doi: 10.25136/2409-7810.2025.4.75535 (In Russ., abstract in Eng.)

7. Mironov A.N. [Extradition and Human Rights], *Politseyskaya i sledstvennaya deyatel'nost'* [Police and Investigative Activity], 2025, no. 3, pp. 163-173. doi: 10.25136/2409-7810.2025.3.75536 (In Russ., abstract in Eng.)

8. [On the practice of considering by courts issues related to the extradition of persons for criminal prosecution or execution of a sentence, as well as the transfer of persons to serve a sentence: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 14, 2012, No. 11 (as amended on December 9, 2025)], *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2012, no. 8. (In Russ.)

9. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/27011147> (accessed 25 April 2026).

10. Savriko I.V. [Concept and legal nature of extradition], *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2019, no. 2(240), pp. 148-149. (In Russ., abstract in Eng.)

11. Smirnov K.V. [Anti-corruption measures: national and international aspects], *Voprosy rossiyskoy yustitsii* [Issues of Russian Justice], 2020, no. 9, pp. 1095-1112. (In Russ., abstract in Eng.)

12. Available at: <https://www.rbc.ru/base/28/11/2025/6915fd699a794733137601d3> (accessed 27 April 2026).

13. Available at: https://rg.ru/2026/04/03/iurist-maleva-rasskazala-mozhet-li-rf-po-opytu-kitaia-iskat-beglyh-korrupcionerov.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed 27 April 2026).

Extradition in Corruption Cases within the Framework of International Legal Cooperation: Problems of Dual Criminality and Grounds for Refusal of Surrender

A. V. Lipuntsova, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Constitutional and International Law
Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia;
Anna-lipuncova@yandex.ru*

V. S. Nelidkin, *Administrator,
International Cooperation and Analytics Department,
Department of International Relations,
Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia;
nelidkinvs123@gmail.com*

The article examines the legal nature and significance of extradition – a key institution within the framework of international legal cooperation. The author reviews academic approaches to defining the essence of extradition and provides a brief analysis of the historical development of the process of surrendering individuals suspected or accused of committing crimes. Special attention is given to the specifics of extraditing persons in corruption-related cases. This analysis takes into account current international and domestic legislation, as well as established legal practice and relevant law enforcement acts. The paper further assesses the current state of the extradition institution and identifies key challenges, particularly those related to the principle of double criminality and the grounds for refusal of extradition. By applying general scientific and specialized legal research methods, the study evaluates the significance of these issues and proposes practical recommendations for addressing them. This approach has enabled the achievement of the research goals and objectives set out in the research.

Keywords: extradition; dual criminality; corruption offenses; international legal cooperation; refusal of extradition.

© A. В. Липунцова, 2026

© В. С. Нелидкин, 2026

Статья поступила в редакцию 20.05.2026

При цитировании использовать:

Липунцова А. В., Нелидкин В. С. Экстрадиция по делам о коррупционных преступлениях в системе международно-правового сотрудничества: проблемы двойной криминализации и оснований отказа в выдаче // Право: история и современность. – 2026. – Т. 10, № 3. – С. 379 – 391. doi: 10.17277/pravo.2026.03.pp.379-391